

И рано или поздно так будет. Еще поспорят да поплачут, «еще поморщатся немного, что пьяница над чаркой вина»³² (такой уж наш интеллигентский удел!), — а все-таки проснется же когда-нибудь государственный инстинкт! И, судя по многим признакам, — уже просыпается.

Вперед от Вех!

Когда я читал «Смену Вех», наконец, дошедшую до Харбина, меня прежде всего поразила глубокая **психологическая подлинность** основных ее мыслей, переживаний, призывов. Они невольно будили во мне прежде всего воспоминания о собственном внутреннем опыте за эти годы.

Ощущение, что вокруг совершается что-то огромное, необъятное, разрывающее все наши привычные мерки и масштабы... Мучительные усилия осознать, уяснить смысл налетевшего вихря, выработать путь самоопределения, линию правильного поведения... Чувство великой исторической ответственности, падающей на каждого из нас... «Умыть руки, отойти в сторону нельзя. Это, конечно, легче всего, но это преступление перед родиной» (Чахотин).

Мы не можем, не имеем права теперь предаваться какому-либо догматизму, духовной лени. Нет проторенного пути, нет старых путеводителей. Мы обречены на самостоятельное искание. Жизнь этих лет являет нам цепь непрерывных творческих откровений. Нужно внимать им, учиться у них. «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию!» (А. Блок). Более, чем когда-либо, кажутся проникновенными бредовые слова Конст[антина] Аксакова¹ о русской истории: — «Русская история имеет значение всемирной исповеди. Она может читаться, как жития святых»...²

Помню, как всегда, с первых же дней октябрьской революции, сознанию представлялись убийственно фальшивыми все ходовые элементарные ее объяснения, попытки дюймами измерить Монблан... Было ясно, то тут бессильны обычные категории, и недаром столь сумбурными и недействительными оказывались рекомендуемые политическими специалистами рецепты лечения. Мысль тосковала по разгадке вершащегося процесса, но не находила спасительных вех во «мгле» (Уэллс)³, охватившей страну. Наши вожди и учителя, а вслед за ними и мы бывали нередко похожи на архитекторов, кото-

рые чинят дом во время землетрясения. Все рушится, распадается в развалинах, а мы приписываем это недосмотру десятника, лености рабочих, своей собственной оплошности. И начинаем вновь...

Все мы хотели быть в революции, но фатально оказывались вне ее. Все мы кричали о «приятии революции», и не сознавали, что, стремясь ввести ее в строго очерченное, понятное нам русло, мы не «приняли» ее, а бунтуем против нее. Она шла сама собой, пользуясь теми, кто воистину и до конца слушались ее. Мы же очутились на другом берегу. Все мы «глядели в Наполеоны», но за Наполеона принимали Вандеи. «Творили сладостную легенду», и всех Альдонс готовы были принять за Дульцинею⁴...

И боролись. Этот сборник, «Смена Вех», есть прежде всего человеческий документ, глубоко характерный для одного из активных отрядов нашей интеллигенции, для одной из «школ» нашей национальной мысли: для той самой, которая воспитывалась на «Вехах». Не случайно же в разных точках земного шара мы почти одновременно пришли к одному и тому же. Воистину, эти статьи вымучены, выстраданы, и чувствуется в них дыхание борьбы, поражений, разочарований, но прежде всего — неистребимой веры, в борьбе и поражениях лишь окрепшей — пусть «новой веры» в смысле конкретной программы деятельности, но по существу старой, постоянной, неизбывной — **веры в Россию...**

Читая статью Ключникова, нервную, кишащую мыслями, подчас не вполне переваренными, не нашедшими еще подходящего внешнего выражения, но продиктованными единой и плодотворной жизненной интуицией — я отчетливо вспомнил наше последнее свидание с ним в Омске, в начале февраля [19]19 года.

Я тогда только что приехал в Омск из освобожденной Перми, подавленный ужасом, но и ушибленный мрачным величием революции. Он же, расставшись со своим министерством иностранных дел, был как раз накануне отъезда в Париж, где мечтал воочию наблюдать версальскую конференцию и продолжать борьбу за Россию.

Помню, долго беседовали на основные, волнующие темы. Я рассказывал ему о жизни в Советской России, о терроре, коммунизме, новом облике Москвы. Он говорил о своей одиссее — Ярославль — Казань — Уфа — Омск, о сибирском движении, Дирекории, Колчаке. Как и раньше, наши политические настроения удивительно совпадали... Потом совместно стремились уяснить и установить идеологию Омска (основные моменты этой беседы сохранились в моем дневнике⁵):

— Только ни в коем случае не реакция дурного тона. Не бессмысленно же льется кровь! Самопреодоление революции. Военная, но вместе с тем по существу революционная диктатура. Во имя достижимых задач революции...

Я не мог удержаться, чтобы не высказать своего впечатления, меня мучившего, но непреодолимого:

— Конечно, дай Бог победу Колчаку, и хочется верить, что победа будет. Но, знаете, все-таки, несмотря ни на что, — насколько ярче, насколько интереснее лицо Москвы, чем здешнее... Все-таки пафос истории — там... А здесь, — здесь достаточно пойти в «Россию» (омский ресторан), чтобы охватило сомнение... Это не новая Россия, это не будущее... Бывшие люди... Что-то не то...

Ключников понял сразу. Было видно, что он сам об этом думал неоднократно:

— Несомненно... Так и должно быть... Всему свое место. Конечно, там ярче, эффектнее. Но мы сознательно должны приобщиться сюда, хотя здесь сейчас и не центр истории. В известном отношении, если хотите, мы должны принести в жертву себя... Нужно осмыслить здешнее движение. Разумеется, ему нечего состязаться с Москвой по яркости (возьмите хотя бы внешнюю политику Москвы!), но оно принесет пользу стране. Оно благоразумнее. Необходимо только, чтобы оно не сходило с почвы революции, вводило революцию в границы. Это — наша задача...

— Да, я тоже так думаю. Именно вот это наше белое движение сможет утвердить значение революции, даже большевизма — для истории. Сам большевизм для этого, вероятно, недостаточен. Чтобы консолидировать французскую революцию, нужен был Наполеон...

— Заметьте, что благоразумие кажется всегда более тусклым, нежели дерзновение. Но истинное благоразумие должно понимать смысл дерзновения. Победа нашего движения утвердит новую Россию...

— Да, конечно. Будем добиваться победы... Но... но вдруг... А что, если не будет победы?.. А вдруг победят они?... Что тогда?.. Что будет с Россией, со всеми нами?.. Ужели духовная смерть?

— Ну, нет... Если победят они, значит, они нужны России, значит, история пойдет через них... Во всяком случае, мы должны быть с Россией. Что же, — **встретимся с большевиками!**⁶

Эта мучительная, жуткая мысль, неоднократно стучавшаяся мне в голову, но которой я боялся отпереть и разум, и чувство — была формулирована моим собеседником со всею ясностью и решительностью. Видно было, что он уже достаточно ею овладел.

Мне было страшно этого вывода, и в то же время бесконечно радостно, что в своих настроениях и думах я не одинок...

Потом мы расстались и надолго потеряли друг друга из виду. В случайных эпизодических письмах как-то не приходилось касаться этих больных тем. Более тесный идейный контакт между нами восстановился лишь к 21 году, после появления в Париже моей книжки...

Белое движение усиливалось, и я ушел в него с головой, пытаюсь обосновать идеологию «революционного преодоления революции во имя ее собственных целей». Но за весь омский период, за год омской борьбы, сознательно и бессознательно я возвращался к страшному «а если?..», изыскивая исход в случае нашего поражения, в случае их победы всероссийского масштаба. Сможет ли страна нейтрализовать их яд, приняв их силу? Как сделать возможным служение России при их торжестве? Как примирить верность духовным основам своей жизни с приятием новой (большевицкой!) России? Можно ли, не изменяя себе, «встретиться с большевиками»?

...И вот теперь, читая «Смену Вех», уже окончательно убеждаешься, что все эти роковые вопросы, тогда ставившиеся лишь условно и предварительно, теперь стали настолько очередными и объективно насущными, что требуют разрешения во что бы то ни стало.

Большой опыт, суровая школа... Резигнация⁷. Поражение, которое должно научить. Заздравный кубок за учителей⁸.

Да, но это поражение похоже на победу! Ошиблись мы, а Россия жива, и революция оправдана, хотя пошла своей, а не нашей дорогой. И по ней дошла до конца. Но все дороги ведут в Рим. Если мы не пришли в Москву с белыми армиями, — придем безоружные, смирившиеся перед революцией, но с тою же любовью к России, с гордостью за нее, как прежде, как всегда.

* * *

Вдумываясь в новые «Вехи», различаешь в них два основных момента. Прежде всего они — политический призыв примирения, действительной «встречи» интеллигенции с революцией в ее теперешнем фазисе. Критика старых, изжитых путей «белой мечты». Тем сильнее и действеннее эта критика, что исходит от людей, для которых «белая мечта» была всем. Они «имманентны» ей. Они мыслят и сейчас в значительной мере «по белому», все методы их мышления по-прежнему глубоко противоположны социально-материалистическому стилю

официальных канонов революции. Но привычное, догматическое содержание белой политики («борьба») в корне развенчивается, как бессмысленное и внутренне противоречивое. В этой знаменательной книге традиционная идеология нашего противобольшевистского движения приходит к своему органическому самоотрицанию изнутри.

Сила и значение сборника главным образом — в отчетливом единодушном и обоснованном разрешении политической проблемы. Роль сборника — политическая по преимуществу. Прочтите блестящую, как фейерверк, статью Бобрищева-Пушкина⁹, вдумчивую статью Чахотина¹⁰, философско-исторический анализ Лукьянова¹¹, — и логический остов идеологии примиренчества станет ясен вашему сознанию. Не буду приводить выдержек. Не буду излагать их аргументацию. Я не реферирую сборника, а только размышляю «по поводу»...

Пасманик в своем критическом отзыве «Благотворные плоды яда» заметил несогласованность мирозерцаний отдельных авторов книги. Это замечание совсем не верно, поскольку вопрос ставится в плоскости политической тактики. Выводы всех статей согласно бьют в одну единственную точку:

— На работу! Домой! На родину! (формулировка Потехина).

И в этом, повторяю, центр пафоса «Смены Вех» как политической самокритики нашей национальной интеллигенции, как глубокого кризиса белого активизма **всех форм и видов**.

Но сборник стремится не только обосновать новый путь служения родине, — он хочет дать и нечто большее, «сменить» знаменитые «Вехи» 909 года. Углубить духовное самосознание русской интеллигенции. Постичь основную «идею» Великой Русской Революции, мировую и национальную.

Мне кажется, что разрешить эту проблему ему не удалось. Но уже его заслуга в том, что он ее правильно и четко поставил. Основных «ревизионистских» решений старых «Вех» авторы новых не устраняют и не «снимают», и потому «Вехи» Струве и Бердяева¹² в культурно-исторической перспективе продолжают оставаться явлением идейно более значительным и углубленным, нежели наш сборник. Больше того: они продолжают оставаться явлением глубоко современным, требующим развития, внутреннего преобразования — в связи с огромным духовным опытом второй революции. Наша «Смена» сознала эту великую задачу, стоящую перед русской интеллигенцией, но она не дала ее решения по существу. Проблема лика русской национальной культуры, вскрытого пробуждением народным и национальным в революции, — не выявлена сборником. И те его страницы, которые к этой проблеме вплотную подходят, еще не дают конкретных «вех»...

У всех авторов есть одна общая интуиция, почерпнутая в живом духовном опыте: **интуиция величия русской революции**. Тут все мы сходимся, как и в том, что «великой» русская революция стала лишь в октябре 17 года. Но для определения и оценки реальных плодов этой революции в сфере конкретного содержания «русской идеи» (которая не может же быть чисто формальной) нужны еще новые исследования, новая работа мысли, новые, уже не столько политические, сколько культурно-философские вехи.

«Сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек»¹³. Смысл великой исторической эпохи становится доступным пониманию тогда только, когда она на закате. Великая Русская Революция ждет своей Минервы. Сумерки уже наступают, атмосфера сереет, и только на вершинах гор еще золотятся солнечные лучи...

В конце своей многомотивной и порывистой статьи Ключников приходит к прекрасной мысли, в которой я вижу резюме всего нашего сборника и вместе с тем формулировку очередной задачи русской интеллигенции:

«Отныне надолго, — пишет он, — или навсегда покончено со всяким революционным экстремизмом, со всяким большевизмом и в “широком”, и в “узком” смысле. За отсутствием почвы для него. За ненужностью. Завершился длинейший революционный процесс русской истории. В дальнейшем открывается период быстрого и мощного эволюционного прогресса. Ненавидящие революцию могут радоваться; но, радуясь, они должны все же отдать должное революции: только она сама сумела сделать себя ненужной».

А дальше — прямое признание традиции старых «Вех», прямая «отсылка» к ним:

«Будущая русская интеллигенция, вышедшая из горнила великой революции, наверное, будет такую, какую ее отчасти видели, отчасти хотели бы видеть авторы «Вех».

А раз так, то перед нами, перед всеми русскими интеллигентами, уцелевшими в революции и принявшими ее, остро встает задача не политического уже, а духовного самоопределения, задача не только поставленная, но и по своему разрешенная пророческими «Вехами» двенадцать лет тому назад. Мы должны вернуться к их решениям, к духовным началам, ими провозглашенным, но не для того, чтобы остановиться на них, а чтобы углубить и развить их в атмосфере новых откровений национальной жизни, национальной культуры. Лозунгом нашим пусть будет не «назад к Вехам», а лучше так:

— **Вперед от Вех!**